ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

кн. 2

Москва
Издательство политической литературы
1990

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

МАРКСИЗМ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

(70-90-е годы XIX века)

ЧАСТЬ II

Редакционная коллегия:

С. С. Волк
(руководитель),
А. Л. Андреев,
Б. В. Богданов,
Н. Ю. Колпинский,
С. Л. Леонов,
И. С. Нарский,
В. С. Овчинников,
Е. Л. Петренко,
Р. В. Петропавловский,
Б. Г. Тартаковский

Москва
Издательство политической литературы
1990

ОГЛАВЛЕНИЕ

И90 **История** марксизма-ленинизма. Марксизм в период формирования массовых социалистических партий II Интернационала (70—90-е годы XIX в.). Ч. 2. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Редкол.: С. С. Волк и др.— М.: Политиздат, 1990.— 382 с.
ISBN 5—250—01077—6 (ч. II)

И $\frac{0104000000-043}{079(02)-90}$ 262—91 **ББК 1г**

как отмечал Энгельс, «различный хлам..., к сожалению, тоже в изобилии...» [1]. Некоторые деятели социалистического движения склонны были в труды основоположников научного социализма «скорее вкладывать... свои собственные домыслы, чем прочитывать в них то, что там действительно содержится» [2]. Распространилась также тенденция воспринимать высказывания Маркса и Энгельса «как собрание догм» [3]. Социал-реформисты, некоторые анархисты и синдикалисты ограничивались признанием лишь тех марксистских идей, которые им удавалось сочетать со своими стремлениями. «Большая часть французских социалистов... еще большая часть английских социалистов,— свидетельствовал в конце века Э. Бернштейн,— согласны с марксистским учением только частично» [4]. Социалистическим партиям, даже самым сильным, не хватало образованных пропагандистов, и пропаганда социализма нередко велась упрощенно — сводилась к разъяснению актуальных лозунгов. В результате многие участники рабочего движения усваивали марксизм «крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и *не поняв* марксистских критериев этих ответов» [5]. В результате широко распространенные представления о марксизме не вполне соответствовали его основе и достигнутому им уровню развития.

Как влияние буржуазии, так и отмеченные недостатки самого марксистского направления не позволяли преодолеть левацкие и оппортунистические тенденции в рабочих организациях и на их международных конгрессах 90-х годов. Причем, как отмечает известный английский исследователь истории социалистической мысли Г. Дж. Коул, «почти все великие вопросы, которые разделили Интернационал к 1914 году, поднимались уже на его ранних конгрессах» [6].

II Интернационал сыграл выдающуюся роль в становлении социалистического рабочего движения в конце XIX века. Его организатором и идейным руководителем до своей смерти в 1895 году был Энгельс. Со II Интернационалом связаны важнейшие страницы истории российской революционной социал-демократии. Уже в 90-е годы II Интернационал накопил опыт совместной работы представителей различных социалистических партий и течений в рамках одной международной организации, когда в дискуссиях и спорах вырабатывались общие позиции по принципиальным вопросам. Этот опыт принадлежит всему международному рабочему движению. Он актуален и сейчас.

---

[1] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 8 марта 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 257.

[2] См.: Энгельс — Конраду Шмидту, 12 апреля 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 325.

[3] См.: Энгельс — Лауре Лафарг, 4 мая 1891 г. // Там же. Т. 38. С. 82.

[4] Vorwärts. 6.V 1899. 2. Beilage.

[5] *Ленин В. И.* О некоторых особенностях исторического развития марксизма // Полн. собр. соч. Т. 20. С. 88.

[6] *Cole G. D. H.* A History of Socialist Thought. Vol. 1—5. The Second International 1889—1914. Vol. 3. Part 1. L.; N. Y., 1956, P. 35.

Глава двенадцатая

МАРКСИСТСКОЕ УЧЕНИЕ В ТРУДАХ ДЕЯТЕЛЕЙ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА (90-е годы XIX века)

1. ДВА НАПРАВЛЕНИЯ В ИДЕОЛОГИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Возникновение ревизионизма

На рубеже XIX—XX веков капитализм вступил в стадию империализма. Наступало время острых социальных конфликтов, интенсивной дифференциации пролетариата, поляризации различных направлений внутри рабочего движения. Вместе с тем уже в конце XIX века стали формироваться предпосылки и основы тех интеграционных социально-экономических процессов, которые приобрели доминирующий характер в современном капиталистическом обществе. Тенденция к стабилизации системы капиталистических общественных отношений, к интегрированию пролетариата в буржуазное общество, охватывающая различные аспекты функционирования базисных и надстроечных структур, органически вытекала из требований научно-технического прогресса, предъявлявшего все более высокие требования к качеству рабочей силы — ее образовательному, культурному, профессиональному уровню, ее социальной мобильности и ответственности. Необходимость выработки эффективных и гибких форм стимулирования труда, приводящих в движение дорогостоящую технику, предполагала ориентацию не только на материальное поощрение, но и на удовлетворение возрастающих социальных потребностей работников, стремящихся к большей свободе и самореализации личности в общественной и политической жизни, к обеспеченности определенными социальными гарантиями. Реализуя эти требования технического и общественного прогресса, зачастую используя при этом и механизмы классовой борьбы в различных ее формах, буржуазия связывала их с нормами и ценностями буржуазного образа жизни, с идеологической защитой основ капиталистического строя.

Однако в контексте диалектических взаимосвязей общественного развития интеграционные тенденции оказывали противоречи-

вое и в значительной степени парадоксальное воздействие на характер отношений капиталистического общества. Содействуя его экономической и политической стабилизации, они в то же время объективно способствовали вызреванию в его недрах предпосылок и элементов социалистического общества, положив начало реализации ряда принципов, которые традиционно рассматривались как прерогатива социалистического общественного строя (социализация собственности, изменения в уровне материальной обеспеченности и социальной защищенности большинства трудящихся, развитие условий совершенствования личности и т. д.).

Анализ социально-экономического развития стран Запада, в частности Германии, показывает конкретное проявление данных тенденций. Экономический подъем конца XIX века, позволивший Германии вырваться на первое место в Европе по уровню промышленного производства, сопровождался бурным развитием производительных сил, глубокой структурной перестройкой народного хозяйства, существенно возросшим качеством рабочей силы. И не случайно рабочее движение этого периода вступило в новый исторический этап своего развития, характеризующийся ориентацией на реализацию своих целей и идеалов средствами политической борьбы и существенным расширением спектра социальной активности пролетариата, усилением его роли в буржуазном государстве.

В 80—90-х годах XIX столетия во многих социалистических западноевропейских партиях шли острые дискуссии о путях движения общества к социализму, вошедшие в историю марксизма как полемика между оппортунистами, реформистами, ревизионистами с «ортодоксальными» продолжателями идей Маркса и Энгельса. В центре внимания социал-демократических теоретиков в те годы находился вопрос о том, могут ли капиталистические общественные отношения в ходе осуществления реформ постепенно трансформироваться в социалистические (точка зрения реформистов), или создание социалистической альтернативы начинается лишь после «всеобщего краха» капитализма как общественного строя (позиция марксистов-ортодоксов).

Хотя оппортунистические настроения имели довольно широкое хождение в социалистических партиях уже с конца 80-х годов, вначале они не получили последовательного мировоззренческого оформления, не приобрели форму теоретической ревизии учения Маркса и Энгельса. Публикация Э. Бернштейном в 1896 году в «Die Neue Zeit» серии статей под названием «Проблемы социализма» стала первой попыткой такого рода. Вышедшая в 1899 году книга Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» стала катехизисом ревизионизма 90-х годов. В течение трех лет она выдержала десять изданий, была переведена на все европейские и японский языки.

Ленин отмечал, что впервые в социал-демократической литературе «бывший ортодоксальный марксист» выступил с «наиболее цельным выражением поправок к Марксу, пересмотра Маркса, ревизионизма» [1]. Свое требование о превращении социал-демократической партии из партии социальной революции в партию

[1] См.: *Ленин В. И.* Марксизм и ревизионизм // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 18—19.

социальных реформ «Бернштейн обставил целой батареей довольно стройно согласованных «новых» аргументов и соображений. Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт... обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о *«конечной цели»* и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась *теория классовой борьбы*, неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства, и т. д.» [1].

Отмечая непоследовательность теоретической позиции Бернштейна, его отступление от позиций Маркса и Энгельса, Ленин не придал значения тому факту, что Бернштейн поставил в повестку дня марксистских теоретических дискуссий реальные вопросы, которыми фактически не задавались убежденные в близком крахе капитализма тогдашние лидеры социал-демократии.

Бернштейн поставил под сомнение главный тезис тогдашней концепции перехода к социализму — об обострении и углублении противоречий в процессе развития капитализма, о разрешении конфликта путем ликвидации буржуазии в ходе классовой борьбы и социальной революции. За распространенной широко формулой об углублении противоречий капитализма и неизбежной его гибели он попытался разглядеть суть происходящих в буржуазном способе производства изменений: возникновение средств адаптации капитализма к новым, более высоким экономическим условиям, прогрессирующее обобществление производства и т. п.

Бернштейн был одним из первых, кто под влиянием порождаемой и углубляемой империализмом дифференциации рабочего класса подверг критике общее, нерасчлененное понятие «пролетариат», выявив рост разнородности его элементов с развитием капитализма. Поскольку большинство рабочего класса еще не возвысилось до социализма, постольку историческая задача социал-демократии, по Бернштейну, заключается в длительной кропотливой работе по повышению и выравниванию жизненного уровня рабочих, развитию самодеятельности всех элементов, составляющих рабочий класс, росту их просвещения, сплоченности, организованности и т. п. Захват политической власти социал-демократией, считал Бернштейн, при существующей дифференциации пролетариата не может привести к социализму: различия в рядах рабочего класса обернутся после завоевания власти непримиримыми противоречиями. Отсюда и его программа: переход к социализму несовместим с применением политического насилия, он осуществим лишь как результат долгого предварительного развития пролетариата на почве буржуазного общества.

В постановке всех этих вопросов и состояла историческая заслуга Бернштейна. Он зафиксировал явное несоответствие между тем, что следовало бы ожидать исходя из основных посылок теории Маркса, и тем, что реально совершалось, вызревало в современном

[1] *Ленин В. И.* Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 7.

ему общественном процессе. Однако решения, предлагаемые Бернштейном, оказывались сплошь и рядом неконструктивными. Не случайно его критика и поправки к теории марксизма были встречены с негодованием большинством лидеров социал-демократии, а имя Бернштейна стало нарицательным для обозначения искажения, «ревизии» марксизма. Однако моральное осуждение его взглядов и политическое неприятие доктрины реформизма сплошь и рядом перевешивало соображения по существу: в пылу полемики отрицались сами вопросы, поставленные Бернштейном, они еще не встали перед большинством социал-демократических идеологов тех лет, ожидавших революционного краха капитализма.

Бернштейнианская критика марксистской теории органически была связана с критикой марксизма в буржуазной литературе. Сам Бернштейн подчеркивал, что большая часть того, что излагается в форме возражений Марксу, «если не все, было по существу уже сказано другими или, по крайней мере, намечено» [1].

Бернштейн обосновывал свой реформизм, ссылаясь непосредственно на работы Маркса и Энгельса. Он противопоставлял теоретические взгляды Маркса идеям Энгельса, стремился представить Энгельса сторонником оппортунизма, а Маркса — представителем утопического революционаризма в традициях О. Бланки. Бернштейн использовал элементы буржуазной критики марксистской диалектики и, в частности, ложную идею о тождественности марксистского и гегелевского диалектического метода [2]. По его убеждению «проникновение» диалектики в марксизм обусловило «чисто умозрительное предварение зрелости экономического и социального развития» [3], привело марксистов к заблуждениям волюнтаристского толка о перспективах социалистической революции, путях и формах политической борьбы, которые-де не соответствуют фактам экономических исследований Маркса.

Обосновывая идею политического союза с буржуазией, Бернштейн исходил из того, что не существует принципиальных различий между социал-демократической и буржуазной идеологией, представлял марксизм как прямое продолжение традиций мелкобуржуазного утопизма. Он утверждал, что основные идеи научный социализм заимствовал из буржуазной философии XVII—XIX веков и Маркс-де только «очистил основные идеи... от умозрительно-идеалистического сора... объединил их в общей теории и углубил ее» [4]. Бернштейн превратно истолковывал высказы-

---

[1] *Бернштейн Э.* Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. Спб., 1899. С. 25.

[2] См. там же. С. 25—30.

[3] Там же. С. 30.

[4] *Бернштейн Э.* Культ Маркса и ревизионизм // Первый сборник. Спб., 1906. С. 197.

вания о государстве, содержащиеся в «Анти-Дюринге», в предисловии к третьему изданию «Гражданской войны во Франции», во Введении к «Классовой борьбе во Франции» Энгельса, с тем чтобы представить разъяснения о возможности мирного установления диктатуры пролетариата как доказательство его верности идеалам буржуазного демократизма.

С осуждением всего комплекса идей Бернштейна и его единомышленников выступили Г. В. Плеханов, вожди французских социалистов Ж. Гед, П. Лафарг, деятели Социал-демократической федерации Великобритании, видный итальянский марксист А. Лабриола, болгарские социал-демократы Д. Благоев, Г. Георгиев. С критикой реформистов выступили марксисты Сербии Д. Туцович и Р. Драгович, Румынии — А. Ионеску, Ш. Георгиу и К. Фриму, лидер Социалистической рабочей партии США Д. Де Леон, Социалистической партии США — Ю. Дебс и др.

Особенно острый характер приобрела полемика с ревизионистами в германской социал-демократии. Многие органы партийной печати, рядовые члены партии на многочисленных собраниях решительно высказывались против ревизионизма, требовали исключить Бернштейна и его сторонников из партии [1]. Вместе с тем в этой полемике отчетливо выявились самые различные подходы к идеям Бернштейна — от последовательного неприятия, отрицания их до апологетического восхваления.

Бернштейн и его сторонники, выступив с требованием обновления марксизма, по существу, поставили перед его идеологами задачу творческого развития марксистского учения применительно к новой социально-экономической ситуации. В дискуссиях с последователями бернштейнианства марксистские лидеры международной социал-демократии сделали значительный шаг в этом направлении. В их работах конца XIX — начала XX века сформулированы идеи, имевшие важное теоретическое и практическое значение для политической практики пролетарских партий, их ориентации на социализм.

Бернштейн и неокантианские критики марксизма

Полемика с Бернштейном и его сторонниками поставила в 90-е годы во главу угла проблемы теории марксизма, в особенности вопрос о связи политических идей марксизма с диалектико-материалистическим миросозерцанием в целом. Среди буржуазных критиков Марксова социализма стало модным отрицать целостность марксистской теории, усилились стремления противопоставить социалистическую доктрину материалистической диалектике, принципам материалистического объяснения истории. С этих позиций выступили против марксизма представители неокантианства, идеи которых на рубеже XIX и XX веков стали одной из основ философской ревизии марксизма.

Наибольшее влияние на развитие философских идей ревизионизма 90-х годов оказали идеи представителей Марбургской школы, ориентировавшихся на гносео-

логическую проблематику философии Канта применительно к анализу современных естественнонаучных теорий конца XIX — начала XX века. Марбургская школа, абсолютизировавшая роль абстрактно-теоретического мышления и противопоставлявшая гуманитарному знанию естественнонаучное как образец рационального познания, влилась в позитивистское течение буржуазной философии. В Германии влияние идей ее крупнейших представителей — Когена, Кассирера, Наторпа, Форлендера, Штаммлера испытали Штаудингер и Вольтман, активно пропагандировавшие неокантианство в социал-демократической литературе, а через них — Бернштейн и его сторонники.

Известно, что ни один из лидеров Марбургской школы в 90-е годы не занимался всерьез изучением марксистского учения, ограничиваясь поверхностным знакомством с его популярным изложением в социал-демократической литературе тех лет. Их критика философских идей марксизма, обращенная, по сути, против догматического, подчас вульгаризаторского толкования диалектического и исторического материализма некоторыми учениками, соратниками и последователями Маркса и Энгельса, абсолютизирует элементы философского нигилизма, объективизма, абстрактного социологизма, присущие в известной мере их концепциям, и отождествляет философские идеи Маркса и Энгельса с их упрощенными трактовками. Отсюда — обвинения в метафизичности, антиисторичности, «идеологическом» характере марксистской философии со стороны неокантианцев Марбургской школы.

Наиболее отчетливо социальная направленность неокантианской критики марксизма проявилась в неприятии материалистического понимания истории, раскрывающего зависимость политико-идеологической надстройки от базиса и разрушающего, фактически, тезис о независимом, надклассовом характере государства.

Неокантианская критика материалистического понимания истории направлена против экономического обоснования социализма и против тезиса о неизбежности социализма. Критикуя под видом материалистического понимания истории его схематическое изложение в форме «экономического материализма», Форлендер, Вольтман, Штаммлер, Штаудингер выступали против вульгарного понимания социального детерминизма как «чистой каузальности». Но, подчеркивая невозможность познания истории с позиций механистического детерминизма, сами неокантианцы решали этот вопрос в традициях кантовского идеализма: они противопоставили объективное субъективному, экономические детерминанты — политическим, идеологическим, духовным, познание истории — ее революционному преобразованию. Адекватным методом познания общества выступает для Когена, Вольтмана, Штаммлера не диалектика, а кантовский телеологический метод. «Что касается будущей судьбы социализма,— писал Вольтман,— то марксисты считают экономической, естественной необходимостью, что социализм должен заменить капитализм по тем же неизбежным законам экономического развития, по каким капитализм заменил феодализм; идеалисты же видят в социализме этическую и культурную необходимость» [1]. По мнению Штаудингера, «анализ законов, по которым люди ставят перед собой цели, основан на исследованиях Канта, в то время как анализ законов, по которым до настоящего времени развивалась экономика, основан на исследованиях марксизма» [2].

Неокантианская критика марксизма получила в 90-е годы широкое распространение в социалистических кругах не только в Германии, но и в России в виде «легального марксизма», а также во Франции, где еще в 1891 году Жорес выдвинул идею синтеза неокантианства и социализма [3].

В буржуазном философском мышлении конца XIX века широкое распространение наряду с неокантианством получили

[1] *Вольтман Л.* Исторический материализм. Спб., 1901. С. 320—321.
[2] *Staudinger F.* Ethik und Politik. Berlin, 1899. S. 159.
[3] Этим проблемам посвящена его диссертация: *Jaurès J.* De premis socialisme. Toulouse, 1891.

вульгарный материализм и социал-дарвинизм. Эти концепции нашли своих последователей и среди социал-демократических идеологов. В Германии идеи синтеза марксизма и социал-дарвинизма активно пропагандировал Л. Вольтман, во Франции — Ш. Раппопорт, в Италии — Э. Ферри [1]. Отклик в социал-демократических кругах нашли в 90-е годы попытки отдельных теоретиков отождествить материализм Маркса с вульгарно-материалистическими концепциями, подменить материалистическое понимание истории доктринами естественнонаучного материализма [2]. Хотя социальный дарвинизм и вульгарный материализм не получили самостоятельного развития в концепциях ревизионистов, они стали существенными мировоззренческими ориентирами в их философских взглядах.

Идеи неокантианства популяризировал К. Шмидт в своих статьях, направленных против только что вышедшей тогда книги Плеханова «Очерки по истории материализма» [3], а также в своей рецензии на книгу буржуазного философа Кроненберга «Кант, его жизнь и его учение» [4]. Шмидт заявлял, будто бы Маркс и Энгельс, как и их философские предшественники Гегель и Фейербах, не смогли осознать в полной мере заслуги Канта в гносеологии, а потому и не дали в своей философии последовательного решения проблем теории познания. Отрицая диалектический материализм, Шмидт рассматривал кантовскую гносеологию как единственно научную концепцию познания.

Почти одновременно с выступлениями Шмидта в венском буржуазном еженедельнике «Die Zeit» (июль 1896 г.) появилась статья английского социалиста Э. Бельфорт-Бакса «Материалистическое понимание истории», вызвавшая бурную дискуссию между ним и Каутским.

[1] *Woltmann L.* Die Darwinische Theorie und der Sozialismus Versuch einer Forschung. Düsseldorf, 1898.— Значительное влияние социал-дарвинизма испытал К. Каутский, который так и не преодолел элементов биологизаторства, присущих его трактовке основных положений материалистического понимания истории. Вместе с тем многие марксистские теоретики отчетливо осознавали теоретическую порочность попыток синтеза марксизма и социал-дарвинизма. В защиту исторического материализма от его биологизаторских фальсификаций выступили А. Бебель и П. Лафарг (*Bebel A.* Die Darwinische Theorie und der Sozialismus // Die Neue Zeit. 1898—1899. Bd. 1. S. 484—489; *Лафарг П.* Экономический детерминизм Карла Маркса // Сочинения. Т. 3. С. 3—188).
[2] Идея синтеза естественнонаучного материализма с материалистическим пониманием истории была высказана Ю. Штерном в его небольшой статье «Экономический и натурфилософский материализм» (*Stern J.* Der ökonomische und der naturphilosophische Materialismus // Die Neue Zeit. 1897. Bd. 2. S. 301—304). Она активно обсуждалась в социал-демократических кругах. Идеи Штерна стимулировали интерес Каутского, Меринга, Лафарга к вопросу о соотношении диалектического и исторического материализма, о диалектике исследования и изучения природы, естественнонаучного знания. Вместе с тем они некритически заимствовали неверные тезисы Штерна. Так, например, Меринг использовал идеи Штерна, обосновывая свое понимание сущности марксистского материализма как материализма фейербахианского типа. С диалектико-материалистических позиций взгляды Штерна последовательно критиковал Плеханов (см.: *Плеханов Г. В.* Бернштейн и материализм // Избр. филос. произв. М., 1956. Т. 2. С. 346—361).
[3] *Schmidt C.* Ein neues Buch über die materialistische Geschichtsauffassung // Sozialistischer Akademiker. 1896.
[4] Vorwärts. 7.X 1897.

Бельфорт-Бакс, не отрицая значения исторического материализма, трактовал его как «экономический материализм», игнорирующий роль сознания, идеологии в развитии общества. Отсюда его требование «дополнить» материалистическое понимание истории анализом «психологических факторов» исторического прогресса — веры, моральных норм, убеждений, которые он рассматривал как неизменные свойства человеческого сознания. Полемика Каутского с Бельфорт-Баксом раскрыла ограниченность, метафизический характер доктрины «экономического материализма», выявила идеалистическое содержание концепции «факторов» [1].

Философские рассуждения Бернштейна некритически соединили в себе элементы вульгарного материализма, позитивизма, неокантианства и т. д.

Ревизионисты 90-х годов заимствовали свою социально-философскую аргументацию в основном из доктрин «этического социализма» либерального неокантианства Марбургской школы, сводившего задачи общественного переустройства к моральному совершенствованию, проповедовавшего примирение классовых антагонизмов и отказ от революционной борьбы. В лице же Бернштейна ревизионизм 90-х годов отошел от традиционной гносеологической модели неокантианства и сделал своим исходным методологическим ориентиром индуктивизм. Бернштейн смотрел на марксистскую философию глазами социолога-эмпирика, оценивая ее истинность с позиций однозначного соответствия открытых марксизмом тенденций развития истории единичным фактам. Он отвергал диалектический метод, отрицая его всеобщий и объективный характер. Для Бернштейна марксистская диалектика — «помеха, стоящая поперек пути всякого последовательного истолкования вещей» [2].

В основе его представлений об условиях и возможностях познания лежит метафизическая трактовка действительности как совокупности статических элементов. Бернштейн опирался на положения традиционного эмпиризма о чисто эволюционном характере развития действительности. Он разделял заблуждения философии позитивистского толка о невозможности познания всеобщих связей и сосредоточил свое внимание на изучении единичных фактов. С позиций философии «здравого смысла» Бернштейн противопоставил диалектическим принципам познания индуктивистские, предполагающие определение предмета через совокупность неизменных его свойств. С его точки зрения, Маркс и Энгельс совершили «методологическую ошибку», так как исследовали всеобщие тенденции развития. Бернштейн пытается представить материалистическое понимание истории как «априорную», игнорирующую реальные факты теорию.

Критика Бернштейном диалектического метода во многом повторила критику материалистической диалектики Е. Дюрингом, который упрекал марксистскую философию в «гегельянстве», «абстрактности». Но бернштейнианский ревизионизм исходил из других посылок. Дюринг, критикуя марксистскую диалектику, противопоставлял ей абстрактный метафизический метод и спекулятивную философскую систему для того, чтобы обосновать свои мелкобуржуазные политические идеи. Бернштейн же в целом отрицал значение философии для развития социалистической теории. Он выдвигал идею о «принципиальном несоответствии» диалектики исходным ориентирам марксизма как теории практического преобразования действительности.

Бернштейн ограничивал марксистскую философию материалистическим пониманием истории, которое интерпретировал в духе социологического идеализма, отождествив материализм с детерминизмом. По его мнению, «быть материалистом — значит, прежде всего, утверждать необходимость всего случающегося... Материалист, таким образом, есть кальвинист без бога...» [1]. Вопрос о «правильности материалистического понимания истории» есть для Бернштейна «вопрос о степени исторической необходимости» [2].

Бернштейн в своей критике исторического материализма смешал два различных, хотя и взаимообусловленных вопроса: о сущности материализма вообще и о сущности материалистического понимания истории: ведь признание причинной обусловленности явлений присуще и материализму, и идеализму. Бернштейн пришел к ложному пониманию соотношения материализма и детерминизма в марксизме, так как свел диалектико-материалистический детерминизм к исторической необходимости и приписал Марксу и Энгельсу фаталистическую трактовку истории, от которой они якобы отказались в своих трудах 60—70-х годов. Он распространил в социал-демократической идеологии ложный тезис о том, что Маркс и Энгельс, подчеркнув значение идеального, субъективного в исторической практике, якобы пришли к «индетерминистическому» пониманию истории. Бернштейн, по сути дела, смешал вопрос о материальных основах общественного развития с вопросом о диалектическом характере материалистического понимания истории, об исторической закономерности как продукте и результате целеполагающей деятельности людей. Противопоставляя материальные и духовные отношения в обществе, он считал, что в истории человечества экономика и идеология чередуются в качестве ее основных детерминант.

Бернштейн открыто впервые выступил против попыток представить взгляды Маркса и Энгельса на социализм как окончательную и не подлежащую сомнению истину. Утверждая, что историческая неизбежность социализма якобы недоказуема, он пытался дать «этическое» обоснование социализма.

Отрицание Бернштейном научного характера марксистского социализма связано с его идеалистической трактовкой истории. По мнению самого Бернштейна, в условиях капитализма общественный прогресс обусловлен развитием духовных факторов, к которым он относил абстрактный «всеобщий» интерес и моральное сознание. Он сводил революционное социалистическое мировоззрение к нравственной характеристике современного ему общественного строя как справедливого или несправедливого. В своей объективистской трактовке идеологии Бернштейн, по сути, стремился преодолеть вульгарно-социологизаторский подход к марксизму как исключительно партийной, пролетарской теории. Он исходил из общности классовых интересов рабочего класса с общечеловеческим «коллективным» интересом, который выражается в нравственном осуждении капитализма. Отрицая историческую неизбежность социализма, Бернштейн отстаивал идеалистическую идею о моральной необходимости как конституирующем элементе истории, подчеркивал роль морали как движущей силы развития экономики, как фактора развития «всеобщего интереса». Опираясь на представления о социализме как моральном сознании, он пришел к идеалистическому пониманию социализма как идеала, цели общественного развития, постулируемой моральным сознанием. Вместе с тем сделав акцент на гуманистическое содержание, родство идеалов марксистского и немарксистского социализма, Бернштейн по-новому поставил перед социал-демократией 90-х годов вопрос о возможностях союза с демократическими общественными силами.

Критика философских посылок бернштейнианства

Против бернштейнианской трактовки материалистической диалектики и материалистического понимания истории выступили фактически все марксистские теоретики того времени. Критикуя эклектические философские постулаты бернштейнианцев, Плеханов, Благоев, Люксембург, Меринг, Лабриола, Каутский уточняли

---

[1] *Kautsky K.* Die materialistische Geschichtsauffassung und der psychologische Antrieb // Die Neue Zeit. 1895—1896. Bd. 2. S. 652—659; *Kautsky K.* Was will und kann die materialistische Geschichtsauffassung leisten? // Die Neue Zeit. 1896—1897. Bd. 1. S. 123—218, 229—238, 260—271; *Kautsky K.* Utopistischer und materialistischer Marxismus // Die Neue Zeit. 1896—1897. Bd. 1. S. 716—727.

[2] *Бернштейн Э.* Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. С. 35.

[1] *Бернштейн Э.* Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. С. 7.

[2] См. там же.

и конкретизировали свое понимание сущности материалистического понимания истории, марксистского диалектического метода. Однако при этом большинство учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса все же не уловили подлинного смысла философских посылок бернштейнианства. Так, например, Люксембург, хотя и рассматривала отказ Бернштейна от материалистической диалектики как прямое доказательство его перехода на позиции буржуазного объективизма, как подрыв основ материалистического понимания истории и марксистской политэкономии, тем не менее в своей критике ревизионизма все же, по существу, не затронула основных философских проблем. Она ограничилась критикой эклектического характера основных теоретических установок ревизионизма, его плоского эмпиризма и антиисторизма. «Эта теория, состряпанная без разбору из крох всевозможных систем,— писала она по поводу выступлений Бернштейна,— кажется на первый взгляд совершенно беспристрастной. Бернштейн и слышать не хочет о какой-нибудь «партийной науке»... То, что Бернштейн считает общечеловеческой наукой, демократией, моралью, есть только господствующая, т. е. буржуазная наука, буржуазная демократия, буржуазная мораль» [1].

Резко отрицательную позицию в отношении теоретических идей Бернштейна занимал А. Бебель, четко представлявший их социальную направленность. Но что касается конкретной критики Бебелем бернштейнианской интерпретации марксистской философии, материалистической диалектики, то сама бебелевская аргументация свидетельствует о том, что он не понимал всего значения диалектического материализма для теории и политики социализма. В качестве основной ошибки Бернштейна Бебель указывал на то, что тот вообще занялся философскими понятиями: законом причинности, детерминизмом, фатализмом. Именно те ошибки Бернштейна, в которых проявилась его враждебность диалектике, Бебель рассматривал как маловажные, как если бы они не стояли в прямой связи с вопросами стратегии и тактики партии. В силу недостаточного понимания материалистической диалектики Бебель (позицию которого разделял и Либкнехт) и пришел к ошибочному выводу, будто из партийной дискуссии по вопросу о ревизионизме надо исключить все, связанное с исследованиями в чисто научной области, то есть всю философскую проблематику.

Недостатки, свойственные критике бернштейнианского ревизионизма марксистами того времени, проявились и в трудах Каутского [2]. Он не придавал должного значения философской конфронтации между марксизмом и ревизионизмом. В одном из писем Плеханову в 1901 году Каутский сделал характерное признание: «Философия никогда не была моей сильной стороной. Я предпочитаю не писать о философских вопросах, но, конечно, у меня есть свои философские убеждения, и они те же, что и были; убеждения моих учителей, диалектический материализм.

---

[1] *Люксембург Р.* Социальная реформа или революция? М., 1959. С. 80—81.

[2] В плане философской критики ревизионизма наибольший интерес представляют статьи Каутского «Бернштейн и материалистическое понимание истории», «Бернштейн и диалектика» (1898—1899), опубликованные в «Die Neue Zeit» и вошедшие впоследствии в переработанном виде в книгу «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» (1899).

Только я думаю, что можно быть в некотором смысле неокантианцем и признавать историческую и экономическую доктрины марксизма» [1]. В этом — методологические основы коренных недостатков критики Каутским бернштейнианского ревизионизма с присущей ей теоретической аморфностью, иллюстративностью контраргументов, зачастую сводившихся к ссылкам на произведения Маркса и Энгельса.

Вместе с тем выступления Каутского — видного теоретика и признанного авторитета международной социал-демократии — против бернштейнианства сыграло важную роль в критике ревизионизма. Ленин высоко оценил в своей рецензии на книгу Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» ее марксистские положения. Каутский, по словам Ленина, показал, каким условиям должна удовлетворять серьезная и добросовестная критика, если предпринимающие ее не хотят замыкаться в узкие рамки бездушного педантизма и гелертерства, «если они не хотят терять из виду тесной и неразрывной связи «теоретического разума» с «практическим разумом» и притом с практическим разумом не единичных личностей, а масс населения, поставленных в особые условия» [2].

В полемике с Бернштейном Каутский критически проанализировал интерпретацию Бернштейном марксистской идеи об исторической неизбежности социализма в духе механистического фатализма. Он подчеркивал, что Бернштейн «сузил» исторический материализм до «экономического материализма» — его вульгаризаторской трактовки, после чего Бернштейну пришлось отказаться вообще от материалистического обоснования социализма как идеала революционной борьбы пролетариата. Каутский показал, что поворот Бернштейна к «этическому социализму» далеко не случаен: с точки зрения бернштейнианского «экономического материализма» действительно методологически невозможно понять диалектическое единство материального и идеального, объективного и субъективного в истории. Экономический фатализм, который Бернштейн приписывает марксизму, как отмечал Каутский, действительно мешает осознанию роли идеологии, науки, религии в поступательном развитии истории.

Довольно убедительно отстаивал Каутский марксистское положение о законах материалистической диалектики как всеобщих закономерностях развития природы, общества, человеческого мышления. Он стремился опровергнуть ревизионистское отрицание законов диалектики, и прежде всего закона единства и борьбы противоположностей как источника развития. Каутский показал, что Бернштейн ложно интерпретирует марксистскую теорию развития в духе плоского эволюционизма Спенсера.

---

[1] Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973. Т. 2. С. 172.

[2] *Ленин В. И.* Рецензия *Karl Kautsky. Bernstein und das Sozialdemokratische Programm. Eine Antikritik* // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 199.

В 90-е годы центральной фигурой в международной социал-демократии в спорах с философским ревизионизмом стал Г. В. Плеханов. Его полемика с Бернштейном наиболее основательна в философском отношении, значительно превосходила по теоретической глубине антиревизионистские выступления по проблемам философии Бебеля, Каутского, Люксембург, Меринга, Благоева. Плеханов, подчеркивал Ленин, был «единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма» [1]. В историю марксизма Плеханов вошел не только как последовательный критик бернштейнианской интерпретации марксистской философии, материалистической диалектики [2], но и как один из инициаторов борьбы против идейных сторонников Бернштейна в социал-демократии.

Выступая в защиту материалистической диалектики, Плеханов продолжал традиции Маркса и Энгельса, неоднократно выражавших опасения относительно ослабления интереса к диалектике в рядах социал-демократии. Опасность распространения позитивизма, вульгарного материализма для революционного мировоззрения пролетариата подчеркивал Энгельс. В этих традициях развернул Плеханов свою борьбу против философского ревизионизма Бернштейна, Струве, Шмидта.

«Бернштейнианизацию» марксизма он рассматривал как полное отречение от революционной тактики, от научного социализма и философии марксизма. «Это именно теория буржуазной *социальной реформы,* выставленная против теории *социалистической революции пролетариата*» [3]. Единственный (помимо Лабриолы) из марксистских критиков Бернштейна 90-х годов, Плеханов увидел в ревизионизме симптом упадка общего уровня марксистского теоретического мышления. «Г. Бернштейн, взятый сам по себе, не только не страшен, но прямо смешон... Но «бернштейниада» очень страшна, как признак возможного упадка» [4]. Свои выступления против Бернштейна, Шмидта, Струве Плеханов использовал как повод для того, чтобы привлечь внимание к философским проблемам марксизма, показать опасность философского нигилизма для развития теории и практики социализма. Плеханов решительно отверг всякие попытки подвести под марксистскую теорию какой-либо «иной» фундамент, кроме диалек-

[1] См.: *Ленин В. И.* Марксизм и ревизионизм // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 20.
[2] Развернутую критику философского ревизионизма Плеханов дал в своих работах: «О мнимом кризисе марксизма» (1898), «Бернштейн и материализм» (1898), «За что нам его благодарить?» (1898), «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса» (1898), «Материализм или кантианизм» (1899), «Первые фазы учения о классовой борьбе» (1900), «Критика наших критиков» (1901), «Cant против Канта» (1901) и др.
[3] *Плеханов Г. В.* Критика наших критиков // Избр. филос. произв. Т. 2. С. 619.
[4] *Плеханов Г. В.* Cant против Канта // Там же. С. 401.

тико-материалистического. В своих статьях против ревизионизма он показал, что диалектический и исторический материализм представляет собой целостную философскую систему, отвечающую как мировоззренческим запросам естествознания, общественных наук, так и революционной практики. «Маркс и Энгельс были материалистами не только в области исторического исследования, *они были таковыми и в области понимания отношения между духом и материей*» [1].

В полемике с Бернштейном, Струве и другими «легальными марксистами» Плеханов раскрыл содержание основных диалектических закономерностей, изложил основные положения диалектико-материалистического учения о развитии. Он отстаивал идею прерывистого, революционного развития действительности как альтернативу принципу эволюции Бернштейна и легальных марксистов и рассматривал его как идеологизм, призванный оправдать их отказ от социальной революции, апологетику реформизма. В полемике с ревизионистами Плеханов подверг критике эволюционизм бернштейнианства в его применении к обществу, раскрыл научный характер материалистического понимания истории, подчеркнул важность диалектико-материалистического подхода к анализу ее закономерностей. Он выступил против догматизации философско-теоретических основ марксизма, их антиисторической трактовки. «Марксова теория,— писал Плеханов,— не есть вечная истина в последней инстанции. Это верно. Но она является *высшею социальной истиной нашего времени...*» [2]

Плеханов был единственным из учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса, кто четко осознал тесную связь философской критики марксизма со стороны бернштейнианцев и «легальных марксистов» с их политической переориентацией на реформизм. «Крайне ошибочно было бы воображать,— предупреждал Плеханов,— что так называемая критика марксизма стремится удовлетворить какой-нибудь серьезной теоретической потребности. До теории гг. «критикам», в сущности, очень мало дела. Им нужно побороть или хотя бы только ослабить известную практическую тенденцию: *революционную тенденцию* передового пролетариата... Эта практическая цель оправдывает все теоретические средства» [3].

Важное значение имели антиревизионистские выступления А. Лабриолы [4]. Марксизм, утверждал Лабриола, не нуждается в каких-либо «дополнениях» типа неокантианства, позитивизма, социал-дарвинизма и содержит в себе самом возможности даль-

[1] *Плеханов Г. В.* Бернштейн и материализм // Избр. филос. произв. Т. 2. С. 352.
[2] *Плеханов Г. В.* За что нам его благодарить? // Там же. С. 367.
[3] *Плеханов Г. В.* Критика наших критиков // Там же. С. 615.
[4] Это предисловие и послесловие к французскому изданию «Бесед о социализме и философии» с критикой Сореля и Кроче (1898—1899), статьи «О книге Бернштейна» (1899), «О кризисе марксизма» (1899).

нейшего развития, совершенствования своих функций в качестве орудия познания и преобразования действительности. Он критиковал Бернштейна за то, что ревизионистский теоретик, столкнувшись с «несоответствием» исходных понятий марксизма с реальностью, взялся полностью пересмотреть все марксистское учение, вместо того чтобы средствами диалектико-материалистического анализа действительности конкретно проанализировать социальную и духовную ситуацию эпохи. По мнению Лабриолы, сам подход Бернштейна и его последователей к анализу марксизма глубоко порочен с методологических позиций: они руководствуются представлениями о марксизме как поверхностной «всенауке» гегельянского (по мнению Кроче) или позитивистского (по мнению Бернштейна) типа. В действительности же прогресс социалистического движения зависит, по убеждению Лабриолы, от того, насколько марксистская мысль осваивает новые факты, явления, процессы развивающейся действительности, дает их конкретный анализ и увязывает с задачами революционной практики[1].

Ревизионистским представлениям о «теоретической недостаточности» марксизма Лабриола противопоставил свое понимание марксизма как «философии практики», как учения, постоянно развивающегося, отражающего в своих понятиях и категориях динамику истории, многообразные тенденции общественного развития.

Полемика с философскими идеями бернштейнианского ревизионизма поставила перед учениками, соратниками и последователями Маркса и Энгельса важный в теоретическом отношении вопрос о связи теоретических догм ревизионизма с буржуазной философией. Раскрывая эклектический характер философских идей Бернштейна и его сторонников, теоретики революционного марксизма обратились к анализу буржуазных философских доктрин, послуживших источником теоретических взглядов ревизионистов. Плеханов, Лафарг, Меринг дали первые марксистские примеры критического анализа идеалистической теории познания, как она обосновывалась в новейших объективно-идеалистических (неогегельянство) и субъективно-идеалистических (конвенционализм, неокантианство) учениях[2].

В спорах с философским ревизионизмом 90-х годов важную роль сыграла марксистская критика «этического социализма» неокантианцев (Плеханов и Меринг). Опираясь на свою эрудицию в вопросах истории, Меринг в борьбе с этическим априоризмом неокантианства отстаивал идею социальной обусловленности, классового характера моральных норм, убеждений, идеалов. Этический идеал, подчеркивал Меринг в статье «Неокантианцы», имеет социальные корни и потому может стать исторической и политической силой, направленной как на благо, так и во зло. Следовательно, этический идеал может действовать как ориентир исторической практики и революционной борьбы только тогда, когда соответствующие этические суждения каузально обоснованы, рассматриваются как элементы социальной детерминации. Сходной позиции придерживался и Плеханов.

Философские дискуссии с ревизионизмом 90-х годов стали важным этапом в идейной эволюции учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса. Они выявили общий уровень марксистского теоретического мышления 90-х годов, его достоинства и недостатки. Конфронтация с ревизионизмом в области философии способствовала консолидации интеллектуальных сил международной социал-демократии в деле защиты, пропаганды и развития марксистского учения. Вместе с тем полемика с бернштейнианством и его сторонниками в лице «легального марксизма», «экономизма», поссибилизма и т. д. обнаружила известную ограниченность философского марксистского мышления тех лет: явно ощущалась недооценка мировоззренческого содержания марксизма, недопонимание сущности материалистической диалектики, пренебрежительное отношение к вопросам философии, идеологии в целом. Даже самые основательные критические разборы бернштейнианского ревизионизма и неокантианства тех лет не свободны от такого рода ограниченности.

Защита основ марксистской политэкономической теории

В представлении бернштейнианцев некоторые новые явления в развитии капитализма истолковывались как факторы, ведущие к сглаживанию противоречий в обществе, к снижению их остроты. Они абсолютизировали тенденции капитализма к организации экономики, гармонизации социальной жизни, установлению классового мира, используя в качестве теоретической базы работы К. Менгера, Е. Бём-Баверка, Л. Брентано, Г. Шульце-Геверница и прочих авторитетов буржуазной науки. Бернштейн откровенно призывал благодарить буржуазных экономистов, в особенности Ф. Бастиа, за открытие «хозяйственной гармонии» в системе капитализма[1].

В центре внимания ревизионистской критики оказалось прежде всего учение Маркса о стоимости и прибавочной стоимости. И это не случайно, так как отказ от этих фундаментальных разделов Марксовой теории затушевывает антагонистическую сущность капиталистических производственных отношений, эксплуатацию труда капиталом и в конечном счете ведет к отрицанию необходимости социалистической революции.

[1] *Labriola A.* Saggi sul materialismo storico. Roma, 1964. P. 302.

[2] См.: *Лафарг П.* Материализм Маркса и идеализм Канта (1900); Религия капитала (1900); основные разделы труда «Экономический детерминизм Карла Маркса», написанные Лафаргом в 1898—1899 годах. *Меринг Ф.* Кантианцы (1900); Кант и Маркс (1904); Кант и социализм (1900); Неокантианцы (1900). *Плеханов Г. В.* Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса (1898); Материализм или кантианизм (1899); О мнимом кризисе марксизма (1898); Критика наших критиков (1901).

[1] См.: *Бернштейн Э.* Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М., 1901. С. 332.

Трудовая стоимость, по словам Бернштейна, у Маркса имеет значение «только отвлеченной формулы или же научной гипотезы». Закон трудовой стоимости, считает Бернштейн, фикция, он перестает действовать в условиях капитализма, в условиях, когда вступает в силу закон цен производства. Бернштейн здесь замалчивает — вольно или невольно — очень важное положение Маркса о том, что цена производства представляет собой всего лишь превращенную форму стоимости, что проявление закона стоимости при капитализме модифицируется законом средней нормы прибыли, перераспределением прибавочной стоимости между капиталистами. Более того, по его мнению, Марксова теория трудовой стоимости порождает неверные представленя о масштабах эксплуатации рабочих капиталистами [1].

Объявив закон стоимости всего лишь «отвлеченной формулой» или «научной гипотезой», Бернштейн и среднюю норму прибыли зачислял в разряд скорее «теоретических конструкций», чем «действительных фактов». Капитал, утверждал он, якобы не всегда стремится к наибольшей прибыли [2]. Бернштейн предлагал искать источник прибыли не в сфере производства, а там, где его фактически нет,— в сфере обращения. Проблема прибыли превращалась у него в проблему ценообразования, скидок и накидок в ценах, в проблему, зависевшую исключительно от доброй воли капиталистов, от мудрости их экономической политики. Из теории Бернштейна следовало, что капиталисты, умело поднимая цены, могут получать необходимые средства для одновременного повышения как прибыли, так и заработной платы рабочих. Такой вывод затушевывал противоречия капиталистической экономики, эксплуатацию рабочего класса буржуазией, противоположность их интересов. По существу, политическая экономия при такой постановке вопроса отбрасывалась на целое столетие назад, поскольку, как известно, уже Д. Рикардо признавал противоположность категорий прибыли и заработной платы.

Соответственно ревизионисты решали и проблему заработной платы. Они утверждали, что путь повышения заработной платы при капитализме лежит не через организованную борьбу рабочих с капиталистами, а осуществляется только посредством роста производительности. Капиталисты также «заинтересованы» в повышении заработной платы рабочих (при условии получения высокой прибыли), поскольку это ведет к увеличению покупательной способности и в большей мере содействует решению проблемы сбыта. В этом, по мнению ревизионистских теоретиков, заключена еще одна возможность плодотворного классового сотрудничества эксплуататоров и эксплуатируемых, установления «социальной гармонии».

Односторонне используя данные буржуазной статистики, Бернштейн и его единомышленники отрицали действие закона концентрации капитала и производства, пытались обосновать вывод о «демократизации» капитала в связи с образованием акционерных обществ, о полном преодолении капиталистическими монополиями анархии производства. Вместе с тем абсолютизировался факт живучести мелкого производства, его сопротивления натиску крупного капитала. Эта идея особенно акцентировалась относительно сельского хозяйства, где будто бы совершенно не действует Марксов закон концентрации производства.

Бернштейн пытался пересмотреть и Марксову теорию кризисов перепроизводства. Игнорируя коренную причину кризисов, противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением, он неверно понимал взгляды Маркса: выискивал мнимые «противоречия» между III и II томом «Капитала», а также между высказываниями Маркса и Энгельса, видевших якобы непосредственные причины кризисов в анархии капиталистического производства, в недопотреблении масс. Бернштейн не понимал вскрытую Марксом связь этих непосредственных причин кризисов перепроизводства с их главной причиной, с основным противоречием капитализма. Он допускал возможность полного устранения кризисов по мере расширения мировых рынков, улучшения транспорта и связи, возникновения трестов и картелей, увеличения кредитов. Причины частичных и локальных кризисных явлений он предлагал искать не там, где они действительно заключены,— в сфере производства, а в сфере обмена, в спекуляции на денежном рынке [1].

Выступления ревизионистов были нацелены на опровержение всеобщего закона капиталистического накопления, вывода о необходимости социалистической революции и экспроприации буржуазии. Шмидт, например, утверждал, что этот вывод вообще не может быть доказан из развитых Марксом посылок [2].

Вместе с тем критика Бернштейном некоторых положений, традиционных для марксистской мысли того времени, была во многом справедлива — это касалось теорий обнищания рабочего класса, поляризации буржуазного общества, неизбежности близкого краха капитализма.

Критикуя взгляды Бернштейна и его сторонников, Лафарг, Люксембург, Каутский в 90-е годы видели свою задачу, по сути, в том, чтобы доказать противоположность этих воззрений положения Марксовой политической экономии.

В трудах «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» (1899), «Аграрный вопрос» (1899), «Социальная революция» (1902) Каутский показал несостоятельность ревизионистских «опровержений» Марксовой теории стоимости, эклектизм позиции Бернштейна, уклонившегося от серьезного, научного рассмотрения проблемы и пытавшегося механически соединить несоединимое: взгляды Маркса с теорией «предельной полезности» Бем-Баверка. По словам Каутского, Бернштейн, нападая на Марксово учение о трудовой стоимости, расшатывал и подрывал устои всего здания экономической науки марксизма, в том числе учения о прибавочной стоимости, о капитале и т. д. [3] Опираясь на данные статистики, Каутский показал несостоятельность возражений Бернштейна, Шмидта и их соратников против сформулированных Марксом общих тенденций развития капитализма — закона концентрации капитала, вытеснения мелкого производства крупным, относительного ухудшения положения пролетариата, которое не исключает повышения материального уровня жизни наемных тружеников. Каутский опровергал утверждение Бернштейна о происходящей якобы «демократизации» капитала в акционерных обществах, о возможности устранения кризисов с помощью монополий и кредита, об увеличении числа «имущих» и о прогрессирующем улучшении положения пролетариата при капитализме и т. д. Он выступил против карикатурного изображения Бернштейном и его единомышленниками Марксова учения о пролетарской революции как единовременном и всеобщем крушении капитализма в результате грандиозного и повсеместного экономического кризиса (так называемая «Zusammenbruchstheorie»). Обстоятельно ответив на возражения Бернштейна против важнейших положений экономического учения Маркса, Каутский при-

---

[1] См.: *Бернштейн Э.* Проблемы социализма и задачи социал-демократии. С. 79 и далее.

[2] См. там же. С. 237—238.

[1] См.: *Бернштейн Э.* Проблемы социализма и задачи социал-демократии. С. 133 и далее.

[2] *Schmidt C.* Zur Theorie der industriellen Reservearmee // Sozialistische Monatshefte. 1904. Hf. 2. S. 124.

[3] См.: *Каутский К.* К критике теории и практики марксизма («Антибернштейн»). М., 1922. С. 45.

ходил к выводу, что это по существу «те самые возражения, которые уже давно выдвигаются либеральной экономией против социализма вообще»[1]. Но «если самые крупные недостатки капиталистического способа производства свойственны только его зачаточным стадиям и с его дальнейшим прогрессом уменьшаются; если число имущих растет, социальные противоположности постоянно смягчаются, пролетарии получают все более и более прочную надежду стать самостоятельными или достичь удовлетворительного положения, то к чему же тогда социализм?»[2] — спрашивал Каутский.

Вместе с тем в этих критических выступлениях Каутского сказались и изъяны его исходных методологических позиций. Он развивал неверную в своей основе идею, будто экономическим пределом, внешней границей процесса капиталистического расширенного воспроизводства явится невозможность сбыта, узость рынка — сначала внутреннего, а в конечном итоге — ввиду ограниченности территории земли — также и внешнего. Эта «недостаточность» внешнего рынка должна означать, согласно взглядам Каутского, прекращение или крайнее замедление роста капиталистического производства, фактический конец капитализма[3].

В полемике с буржуазными и реформистскими теоретиками положения политической экономии Маркса отстаивал Лафарг. Защищая учение Маркса о стоимости и прибавочной стоимости, он показывал, в частности, полную несостоятельность попыток К. Шмидта изобразить закон стоимости и прибавочной стоимости всего лишь «гипотезой» или «необходимой фикцией»[4], критиковал утверждения вульгарных экономистов и их «социалистических» последователей, будто стоимость и прибавочная стоимость создаются не в процессе производства, а в процессе обмена[5]. Лафарг, доказывая несостоятельность представлений о «демократизации» капитала в акционерных обществах, отмечал, что эта «демократизация» на деле «сводится к ограблению мелких вкладчиков крупными капиталистами»[6]. Опираясь на марксистское положение о неизбежности экономических кризисов при капитализме, он доказывал при этом, что тресты и другие монополистические организации капиталистов ведут не к смягчению кризисов, как утверждали ревизионисты, а к углублению их, не к сглаживанию классовых противоречий и «затуханию» классовой борьбы, а, напротив, к их обострению[7].

Теоретическое наследие «Капитала» активно защищала от нападок ревизионистов Люксембург. Она опровергала утверждение Бернштейна, будто Марксов закон стоимости является простой

[1] *Каутский К.* К критике теории и практики марксизма («Антибернштейн»). С. 155.
[2] Там же.
[3] См. там же. С. 140.
[4] См.: *Лафарг П.* Теория стоимости и прибавочной стоимости Маркса и буржуазные экономисты // Соч. Т. 12. С. 3—11; *Лафарг П.* Экономическая функция биржи (Этюд по теории стоимости) // Там же. С. 36—56.
[5] См.: *Лафарг П.* Ответ на критику Маркса // Там же. Т. 2. С. 12—23; *Лафарг П.* Американские тресты // Там же. С. 262.
[6] См.: *Лафарг П.* Американские тресты // Там же. С. 270.
[7] См. там же. С. 267.

«абстракцией». Абстракция Маркса, писала Люксембург, «не выдумка, а открытие... она существует не в голове у Маркса, а в товарном хозяйстве,... она живет не воображаемой, а реальной общественной жизнью»[1]. Бернштейн, констатировала она, проявил полную неспособность понять Марксов закон стоимости и прибавочной стоимости, а без такого понимания «капиталистическое хозяйство и все связанное с ним должно остаться тайной»[2].

Оценивая марксистскую полемику с идеями Бернштейна и его сторонников в области политической экономии капитализма в 90-е годы, следует иметь в виду, что ведущие теоретики II Интернационала ограничились в своей критике прямым противопоставлением известных положений Марксова экономического учения взглядам ревизионистов и фактически не ставили вопроса об опровержении бернштейновских тезисов с позиций творческого развития марксистской политэкономии применительно к новым тенденциям хозяйственной жизни конца века. В этом сказалась известная ограниченность, догматичность критики ревизионизма. И как результат — формирование такой особенности их мышления, как «ортодоксия», ориентировавшая лидеров II Интернационала в первую очередь на «подтверждение» новыми фактами известных положений марксизма, а не на творческую разработку марксистской теории в соответствии с условиями новой эпохи, в которую вступал капитализм на рубеже XIX—XX веков.

2. ПРОБЛЕМЫ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ТРУДАХ УЧЕНИКОВ, СОРАТНИКОВ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

В 90-е годы теоретики социал-демократии в своих трудах уделили немало внимания разработке и пропаганде марксистской философии, хотя в своей теоретической деятельности в этот период многие из них тяготели к социально-политической проблематике, непосредственно связанной с классовой борьбой пролетариата в конкретно-исторических условиях отдельных стран.

Пропаганда диалектического материализма

Среди учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса, осознавших основополагающее значение философии диалектического материализма, выдающуюся роль сыграли в 90-е годы Плеханов и Благоев[3].

В тот период перед марксистами-теоретиками в первую очередь встали задачи обоснования неразрывной связи диалектики

[1] *Люксембург Р.* Социальная реформа или революция? С. 56—57.
[2] Там же. С. 57.
[3] См., например: *Плеханов Г. В.* К шестидесятой годовщине смерти Гегеля (1891); К вопросу о развитии монистического взгляда на историю (1895); Очерки по истории материализма (1893); Бернштейн и материализм (1898); Cant против Канта (1901); *Благоев Д.* Что такое социализм и имеет ли он почву у нас? (1901); Материализм или бернштейнианство (1901); «Pro doma sua» (1900) и др.